

МОЙ *Т* БОСС *похотей*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДЖИНА ШЭЙ

Джина Шэй

Мой плохой босс

Серия «Мы в Теме», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67341851

SelfPub; 2022

Аннотация

Мой плохой босс – дерзкий суперэмоциональный любовный роман на БДСМ-тематику.

Для него она – серая мышь из его бухгалтерии. Та, на которую он даже смотреть не хочет. Самый последний вариант, на который он согласится.

Он для неё – нечто большее. Тот, ради кого она готова отказаться от своей второй стороны, роковой Госпожи. Отвернуться от мира, в котором все плохие мальчики получают из её рук только заслуженное наказание.

Один дурацкий фант, один корпоратив и три лишних глотка виски – и все изменится навсегда.

Она – швырнет его на колени. А он... Он этого не забудет!

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Антон	4
Глава 2. Ирия	15
Глава 3. Антон	25
Глава 4. Ирия	33
Глава 5. Ирия	44
Глава 6. Ирия	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Джина Шэй

Мой плохой босс

Глава 1. Антон

– Да вы охренели!

У двух мудаков, что сидят со мной за моим столом и смотрят на меня – от улыбок чуть морды не сводит.

– Это твой фант, Тоха, – хохочет Игнат и ударяет меня по плечу, – ты его вытянул. Тебе и страдать.

– Это не смешно, уроды, – я кривлюсь и тянусь к бутылке с виски, чтобы залить это горе, – пригласить на танец Хмельницкую? Вы бы еще Прохорову вписали. Вот старушка бы обрадовалась. Её уже лет тридцать на танцы не приглашают.

– Я вписал, – тут же вскидывается Гена, – только не в этот фант.

Тьфу ты, кажется, мне ещё повезло с Хмельницкой.

Тяжело, когда у тебя в друзьях и деловых партнерах два идиота. Тяжело, когда и ты сам настолько идиот, что не придумал ничего оригинальнее и веселее, как затеять игру в секс-фанты на служебном корпоративе.

Взгляд нашаривает Хмельницкую. Мадам главная бухгалтерша сидит за столиком с бокалом вина в руках и задумчиво пялится на танцпол.

Между прочим, мадемуазель, да?

Рука сама снова тянется к бутылке с виски. Нет, без тройной порции я на такие подвиги точно не пойду.

Нет, не поймите превратно, никаких претензий к Ирине как к специалисту у меня нет. Бухгалтерию она держит в стальных шипастых перчатках, никаких недостатков и просрочек у неё не водится. Девочки-бухгалтерши – единственные в офисе, кто вообще приходит за десять минут до начала рабочего дня. Но речь ведь сейчас не о профессиональных навыках.

Сама идея секс-фантов, на мой вкус, должна включать в себя секс. Ну, или прелюдию к нему. А на Хмельницкую как взглянешь, так думаешь только об отчетности за последний квартал. Не про секс.

Есть девочки, при взгляде на которых прям все встает и внутри просыпается хищник, который так и хочет порвать на вертящей перед тобой задом сучке её дешевое платьишко.

А Хмельницкая у нас... Госпожа главный бухгалтер, иначе и не скажешь.

Ну вот кто, скажите мне, является на корпоратив в офисной белой блузочке, застегнутой под горло, и деловых же брюках?

Белые и без того короткие волосы затянуты в какой-то пучок. Её можно перепутать с официанткой. Вся её бухгалтерия правильно понимает суть корпоративов, вон они, на танцполе, виляют попками в коротеньких юбочках разно-

цветных платьев.

Эта же... Хотя бы очки сняла, есть же линзы, в конце концов. Нет. Ощущение, будто я смотрю на училку истории.

– Нет, ну ты можешь отказаться, Тоха, – гогочет Гена, – ты помнишь наше условие для проигравшего, да?

Помню. И нет, танцевать стриптиз на барной стойке я не буду. Стать звездой ютуба мне совсем не улыбается. Да и имидж большого босса будет просран окончательно. Мы еще недостаточно напоили наших подчиненных, чтобы они забыли подобное событие.

– Пошли вы в задницу, – швыряю бумажку на стол и поднимаюсь, – я её оттанцую. А вот трахать не буду, даже не мечтайте. Больно мне нужно тягать это фригидное бревно. Я, в конце концов, не этап тяну.

– Иду заказывать медляк, – Игнат тут же подсказывает из-за стола, – приятных тебе танцев, папа Карло, надеюсь, наша леди Буратино тебе оттопчет ноги.

Лучшие друзья, бля, боженька насыпал, не поскупился.

Шагаю через танцпол, прямым курсом к Хмельницкой. Пытаюсь не материться и не думать о том, что надо было искать в партнеры не таких дебилов.

Надо же было додуматься! Хмельницкую! Втюхать! Мне!

Узнаю, кто из двух идиотов написал этот сраный фант – убью нахрен. Закажу киллера. Хотя нет, это слишком просто. Лучше отравлю обедом от моей сестрицы, она мастер приготовить такую отраву, которой еще свет не видывал.

Хмельницкая замечает меня довольно быстро. Замечает и замирает как кролик перед удавом. Не ново. Все бабы так на меня и смотрят. Какими бы бревнами они ни были. А уж если рубашку снять и дать потрогать кубики – все, девочку можно упаковывать.

– Антон Викторович, вы что-то хотели? – Хмельницкая едва ли не на одном выдохе это все произносит, когда я подхожу и останавливаюсь напротив.

Хотел ли я чего-то? Секса я хотел. Но в курсе, что зашел не по адресу. Интересно, она хотя бы сосет хорошо? Или не умеет и этого?

– Хочу пригласить вас на танец, Ирина, – я улыбаюсь приветливо и протягиваю ей руку, – хотите?

В конце концов, не портить же отношения с хорошим специалистом из-за двух дебилов-дружков.

На самом деле я прямо очень хочу, чтобы она отказалась. Это сэкономит мне время, это весьма твердый повод развести руками и вернуться к нашему столику для боссов в дальнем углу зала.

Нет, будь на месте Ирины какая-нибудь Маргарита из той же бухгалтерии – я бы, наверное, все-таки настоял на своем, подавил бы авторитетом, поулыбался бы получезарнее. С Хмельницкой – нет, не стал бы тратить ни усилий, ни обаяния. Надеюсь, что все-таки это для неё слишком.

Ну, она же старая нетраханная дева, наверняка же для неё танец – как первый секс, возможен только после штампа в

паспорте.

– Танец? Я с удовольствием, – Хмельницкая неожиданно улыбается и касается моей раскрытой ладони кончиками пальцев.

Увы. Не прокатило. Музыка уже сменилась, многие рассосались по парочкам, расхватили даже женатых дамочек. Я же опускаю ладонь на талию Хмельницкой и думаю, что это первый случай в моей жизни, когда я не облапаю бабу за задницу во время танца.

Краем глаза задеваю наш с ребятами столик, смотрю, как угорают надо мной эти ублюдки, показываю фак, и только потом опускаю на талию Ирины и вторую руку.

Вообще во время медляка легко можно прочитать, насколько бревниста девушка в постели. Если движения плавные, если она ощущает, как ты её ведешь – значит, у девушки есть надежда.

Надежды нет.

Хмельницкая зажата настолько, что даже понимает, что от неё нужно, только после того, как третий раз наступает мне на ногу.

– Может, вам стоило все-таки чуть-чуть выпить, чтобы расслабиться? – осторожно уточняю я. Насколько я заметил, она весь вечер просидела с одним бокалом, пригубляя его только во время тостов и то, чисто символически. Кажется, в нем не ubyло ни капли.

– Я не пью, – морщится Хмельницкая, – не люблю, когда

сознание затуманено. Это мешает контролировать... ситуацию.

С такого близкого расстояния я замечаю наконец-то её глаза, что она прячет за очками. Зеленые глаза. Как у кошки. И ресницы длинные. Вообще, смотришь на неё и хочешь отдать в руки какому-нибудь стилисту-визажисту. Может, и вышел бы какой-нибудь толк.

– Сейчас можете не контролировать, – удерживать на лице любезное выражение становится все сложнее – потому что острый каблук приземляется на мою левую ногу второй раз, в общей сумме – четвертый. Она что, пытается меня вести?

Жаль туфли, итальянская кожа, мать её, надо будет послать чек за новую пару этим недоумкам – моим друзьям.

– Простите, Антон Викторович, я не очень люблю все эти танцы, это не моя сильная сторона, – вымученно улыбается Хмельницкая, поднимая на меня глаза.

Ужасно не интересно, что же она считает своей сильной стороной. Наверняка у неё какое-нибудь тоскливое хобби. Наверняка она разводит котов, как и полагается любой приличной старой деве. И вяжет страшные свитера.

– Ничего, – я пытаюсь быть галантным до конца, – хотя, если вам настолько не нравится танцевать со мной...

– О нет, – Хмельницкая встряхивает головой, перебивая меня. Перебивая. Меня! У женщины, пока я говорю, вообще не должен открываться рот, а в идеале – он должен быть занят моим членом.

– Я вообще очень рада, что вы меня пригласили, – тем временем выдает Ирина и чуть облизывает губы. Ненакрашенные. Обычные губы. Нет, это не женщина, это какой-то ходячий анти-секс. Вот как можно быть такой унылой?

– Да? С чего бы? – только для того, чтобы хоть чем-то заполнить эту дурацкую паузу, интересуюсь я, пытаюсь смотреть на партнершу по танцу, а не на задницу секретарши Игната, Олечки. Красивая кстати задница. И декольте ничего, я видел по дороге...

– Вы мне нравитесь, Антон Викторович, – томно выдыхает Хмельницкая, прижимаясь ко мне своей скромной двоечкой.

Ну, твою же мать!

И эта туда же.

Вот можно было бы, наверное, сказать иначе, но как же меня заебали эти чертовы серые мыши, что готовы вешаться на босса, просто потому что его часы стоят столько же, сколько и содержимое их унылых шкафов.

Сколько ей лет? Лет тридцать пять? Больше? Даже так – на год старше меня. Хотя если честно – я не помню.

И нет бы ей было что мне предложить, нет ведь, ни кожи, ни рожи, ни приличного размера сисек, ни молодого тела, а туда же – вешается.

Так и хочется сказать: “Детка, ты знаешь, сколько у меня таких как ты в контактах телефона?”

Есть даже Аня Долгий Горловой Минет – и той я звоню

только раз в пару недель, чтобы не борзела и не мнила о себе действительно много

Эти престарелые девственницы начитаются сраных любовных романов, в которых любой босс-миллионер спит и видит, как бы положить к ногам их никчемных величеств весь мир и бриллиантовое кольцо в придачу, и давай фантазировать и стирать свои пальцы, примеряясь к реальной жизни.

Хотела бы нашего админа Васю, вот он – её разряд. Задротский. Один свитер на все случаи жизни, двое джинс – и кроссовки на любой сезон. Сколько раз долбали ему мозги дресс кодом – все мимо полушарий пролетает. Видать, надо через задницу пытаться добиться результатов.

И хочется проучить эту никчемную клушу. Да так, чтобы на всю жизнь запомнила свое место и никогда не высовывала своего носа из мира со своими чертовыми котами.

– И давно я вам нравлюсь, Ирочка? – улыбаюсь я, стискивая талию Хмельницкой крепче. – Можно же называть вас Ирочкой?

Она смотрит на меня задумчиво, будто взвешивая.

Боже, нет, точно бревно. Тормозное такое бревно.

– Вам – можно, – выдыхает она наконец, – да, давно, Антон Викторович. Наверное, еще с собеседования.

Любовь с первого взгляда. Господи, какой отстой.

Я с трудом удерживаюсь от зевка.

Самая влажная фантазия истинных клуш.

Наверняка эта курица уже выбрала себе фату на свадьбу и

придумала имя для наших троих детей. И краску для забора в палисаднике купила тоже.

– Мне кажется, я до сих пор помню, как зашла в ваш кабинет, – отстраненно продолжает болтать Хмельницкая, – и вы там такой роскошный... В белой рубашке. Весь такой... Засранец... Так и захотелось вас... Вас!

Мне кажется, что она хотела что-то добавить, перед тем как в последний раз запнуться, но что конкретно – я так и не понял.

Хотя – не очень-то и интересно. Наверняка ей хотелось чего-то смертельно скучного. Наверняка её отважной эротической мечтой является кунилингус. И только.

Ну, кстати, про засранца – это она удивила. Дамочки из её асексуальной категории обычно такие слова произносят только перекрестившись. А она так сказала, со вкусом, перекачивая это слово на языке, будто кусочек шоколада. Я аж ощутил легкое удовлетворение от этих слов.

Да, засранец! Был, есть и буду им. И пусть конкуренты об этом не забывают.

Да и этой курице неплохо бы напомнить.

– Что же вы так долго шифровались, Ирочка? – мурлычу я. – Ведь так просто получить то, чего вам хотелось. Хотите – здесь? Сейчас?

– Прямо тут? – глаза у Хмельницкой расширяются, она даже оглядывается на полный зал народу.

Господи, ну какая же зануда. Как можно понимать все так

дословно? Нет, ну точно, не буду к ней даже прикасаться. А то еще заражусь этим вот ханжеством и буду трахать баб только в миссионерской позе.

– Ну зачем прямо тут, – хмыкаю я, – тут есть вип-зона, знаете? Закрытая. Она не занята. Ну что? Готовы к безумствам, госпожа главный бухгалтер?

Что-то пляшет в её глазах, какие-то странные тени. И кончик языка скользит томно по губам.

– Готова, – откликается Ирина, чуть запрокидывая голову, – пойдём вместе?

– Иди первая, – я улыбаюсь широко, – и жди меня. Раздетая.

Пальцы Хмельницкой касаются моей щеки, ведут к подбородку, задевают кончиками острых ногтей. У меня неожиданно даже во рту пересыхает от этого ощущения. Обычно никто так ко мне не прикасается. Не смеют. Ну максимум спину поцарапают во время секса, но я обычно это терпеть не могу.

– Не задерживайся, – шепчет она, потягиваясь к моим губам, обдавая их теплым мятным дыханием, а затем отстраняется и уходит в сторону вип-кабинета.

В какой-то момент я понимаю, что плююсь на покачивающуюся удаляющуюся от меня задницу Хмельницкой. И на языке у меня так сухо, что я ощущаю свой язык жестким, как наждак.

– Что, понравилась тебе наша вобла? – ржет Геныч, когда

я возвращаюсь к столику. — Или ты все-таки всеяден?

Понравилась? Да вот еще. Что в ней может нравиться?

Я побеждаю это странное оцепенение, одолевшее меня.

Наливаю себе еще порцию виски, залпом вливаю его в себя. Прихватываю со стола бумажку с фантом, запихиваю её в карман.

— Как думаете, ребята, сможем мы заинтересовать сиськами Хмельницкой хотя бы мужиков пять? — выдыхаю я, глядя на друзей.

Я хотел проучить эту серую мышь, решившую, что она имеет право меня хотеть?

И да — я это сделаю.

Так, что она на всю жизнь запомнит, кого ей хотеть не стоит!

Глава 2. Ирия

Видала я разные вип-зоны. Видела и отгороженные от основного зала занавесочками, и тонкими ширмами. Этот ресторан шикарный, дорогуший, наши боссы раскошелились на него в честь удачной сделки, поэтому тут вип-кабинет большой, просторный и выполненный отдельным мини-залом.

Серое дерево столешницы, кожаные бока черных диванов... Алые лампы не особенно освещают, только создают атмосферу.

Эстетика темноты и порока.

Все как я люблю, черт возьми. Под меня как будто делали.

Я расстегиваю блузку, и мои руки немного трясутся. Господи, да неужели я и вправду это делаю?

В вип-кабинете чертова ресторана, стою и раздеваюсь? Пока там, за стенкой бухают и вовсю отмечают удачную сделку мои коллеги, я тут – стою и жду, пока ко мне придет Антон?

Неужели я взяла и сказала Антону правду?

Я не связывалась с ним два года работы в его фирме не потому, что боялась, что он мне скажет “нет”, разобьет сердце и так далее.

Просто, скажем честно, мои вкусы действительно столь специфичны, что даже сомневаться не стоит, Антон – скажет

мне именно “нет”, и ничего больше.

Но вот сегодня он взял и подошел именно ко мне, и пригласил именно меня.

И у меня даже голова закружилась от этого всего, будто я действительно напилась шампанского. Хотя нет, я же не пила. Ни глотка не сделала. Как и всегда.

И созналась. Как дура. Зачем? Ведь то, что мне надо, он мне все равно не даст.

А что даст?

А вот это мы и посмотрим...

Но он рассматривает меня как вариант.

Антон Викторович Верещагин, мой чертов босс, смазливая тварь с роскошной задницей.

Антон – такой сексуальный, что я бы сдавала ему отчеты три раза в неделю, лишь бы пялиться на его длинные пальцы, которыми он перелистывает страницы.

Да-да, тот самый Антон Викторович, который трахает все, что движется. Никаких собеседований через постель, что вы, но мало какая симпатичная девочка в нашей аудиторской конторе не побывала в постели Верещагина. Даже замужние туда прыгали, если фигура и лицо позволяли.

И вот вроде я же знаю, что он неисправимый потаскун, пробы ставить некуда, а все равно стою тут с замирающим сердцем и жду его.

В конце концов, только из-за него я начала ходить на работу в кружевном белье и чулках под офисными брюками. И

пусть ни разу даже не заикалась о сексе, но внутри, под всем этим скафандром “по дресс коду” я была во всеоружии.

И почему раз за разом я выбираю одних только паршивцев?

Не умею выбирать других. Пыталась научиться эти долгие четыре года, освободилась от столь многих замков мозга, стала кайфовать от того, что даю себе быть собой, но вот этому – не увлечься мудаками – я так и не научилась.

Я ведь и правда запала на него с первого взгляда. И “вы мне нравитесь” – это все-таки далеко не все, что я могу сказать Антону Викторовичу о своем к нему отношении.

Но это правда – он мне нравится.

Настолько, что я готова согласиться с ним даже на простой секс. Даже на ванильные отношения. Даже на троих, мать его, детей, если ему захочется...

Никогда не верила, что могу увлечься вот так, как кошка, от одного только взгляда в наглые глаза цвета мореного дуба – а тут получилось.

И не отпустило потом, ни на секунду не просветлело за эти два года.

Будь я романтична и верь во всякую чушь – я бы подумала, наверное: “А может, это любовь?” – вот только с этим точно не ко мне. Срок годности “любви” – пара лет. Потом остаются только руины, из которых тебе предстоит подняться. Можете сами не проверять, я говорю из очень богатого опыта. Пара лет – это еще максимум. А так... Месяц... Два.

Полгода...

Нельзя сказать, что я не пыталась изжить влечение к Антону. Даже начала к нему приглядываться пристальнее, чтобы рассмотреть недостатки, причины, по которым не стоит даже обращать на него внимание. Не помогло. Недостатки нашлись, но они заводили только еще сильнее.

Он – такая сука, что наблюдать за его вывертами одно удовольствие. С ним мало кто дружит, его друзья – его партнеры, все остальные – только конкуренты, которых он еще не раздавил.

Три мелких фирмы поглощено только за полгода. Волнует ли этого поганца, сколько народу он вышвырнул на улицу, оставив безработными? Нет. Не волнует.

Хладнокровная жестокая гадина.

Которую мне так отчаянно хочется поставить на колени...

Жаль только, он никогда не узнает, что именно я захотела, только увидев его.

Я не скажу. Просто нет смысла.

Мальчик – конкретный альфа, бабы складываются к его ногам штабелями.

Нет, не похоже, что его вообще может возбудить мысль, что кому-то хочется его связать.

Сковать.

Растянуть на кровати струной.

Пройтись плетью по его роскошной заднице...

Оставить на ней шикарную алую полосу, услышать его

глухой стон.

Он – наверняка мальчик гордый, будет долго молчать, долго терпеть, и его надо драть со вкусом, с толком, с расстановкой.

И первый вопль будет подобен лишению девственности.

Ох...

Представляю это, и в трусах уже мокро.

Да, да, если вы не поняли, то я представляюсь.

Ирина Александровна Хмельницкая. Доминатка, садистка, для всех друзей – Госпожа Ирия и никак иначе.

Да-а, я бы выдрала этого поганца.

За все его снисходительные взгляды в мою сторону.

За то, что его член побывал в столь многих вагинах сучек из нашей конторы, но еще не бывал в моей.

За потрясную задницу, которая так и просит ремня.

За то, что нельзя быть на свете красивым таким.

За все!

Но это все мечты.

Сегодня никаких порок. Сегодня – секс.

Как угодно. Если ему приспичит – дам ему и в миссионерской позе, хотя терпеть её не могу.

Черт возьми, как давно я не позволяла прикасаться к себе просто так.

Тем более – поганцу вроде Антона Верещагина.

Но я его хочу. Настолько, что готова прикинуться обычной.

В конце концов, сколько можно гоняться за его вниманием? Сколько можно дрючить бухгалтерию и персонал, лишь бы Антон Викторович заметил, насколько я высококлассный специалист и пригласил, ну, скажем, на ужин...

Я ведь понимала, что на стабильные отношения к нему через мини-юбки и декольте до лобка лучше не заходить.

И я готова была согласиться на простой секс, на простые отношения, “не тащить Тему в дом” и все такое.

Сама не знаю, зачем мне эта ваниль, но вот надо и все.

В конце концов – я же хотела завязать. Часики-то тикают, мать их раздери, и да, я хочу еще успеть и женщиной побыть, а не только Госпожой.

Ходили слухи, что наш кобелек однажды по пьяни откровенничал со своим замом, что он де натаскался по бабам и подумывает о том, чтобы жениться. И, мол, ему не нужны шалавы, нужна та, что готова стать матерью. Нет, не просто дырку подставить, а именно нацеленную на материнство.

Честно говоря, я не особо верила, ни в эти слухи, ни в то, что он может вдруг заинтересоваться мной – он обычно предпочитает ванильных девочек, но...

Когда он подошел ко мне – в груди что-то ёкнуло. Светло от макушки и до пальцев на ногах.

Если он подошел ко мне – это ведь что-то да значит? Ведь подошел-то он ко мне, а не к той же Марго с её проститутским платьем.

Тем более я нарочно одеваюсь так, что про меня точно не

скажешь, что я сама сиськами торговала. Ничего обтягивающего, ничего короткого, я не готова так доверяться первому встречному, чтобы рассказывать, что у меня вообще-то все хорошо с фигурой и задница красивая.

Хотя эта задница, конечно, мне стоит не одного часа шейпинга на неделе.

И все-таки Антон настолько хорош, что я делала то, чего мне не хотелось.

Танцевала, например.

Это ведь далеко не моя сильная сторона, ненавижу танцы, потому что приходится давать мужчине вести.

Нет, я могла бы прихватить этого щенка за его ягодицу, перехватить его руку так, как удобно мне, и повести самостоятельно – но не уверена, что он бы это понял.

Нет уж, Ирочка, хочешь этого мальчика? Мокнешь трусами от него, а не от админа Васи? Изволь терпеть и уступать вожжи боссу.

Но как он сказал...

Госпожа главный бухгалтер.

Госпожа... И из его уст.

В какую-то секунду – из меня даже прорвалось, я с трудом удержалась от того, чтобы не скользнуть ладонью по его бедру и не прихватить его за причиндалы, а потом шепнуть в приоткрывшийся от изумления рот:

– Повтори.

Удержалась.

Чудом вспомнила, что я вообще-то извращенка, и обычные мужики вот на это не заводятся. И даже наоборот. Они вообще не любят, когда бабы пытаются над ними доминировать.

Складываю брюки и блузку на диванчик. Кроме белья и туфель на мне – только кулон, на длинной цепочке, но вот его я как раз не сниму ни за что на свете. Даже ради Антона. Это вроде как зарубка на дереве – и пока я жива, я с этой вещью не расстанусь.

Пробегаюсь пальцами по резинкам чулок. Черные, кружевные. И белье – из белого и черного кружева. Расцветочка “пошлая горничная”, только фартучка не хватает и метелки для пыли.

Чувствую себя школьницей, хорошо выучившей урок. Наверняка же Антон от меня этого не ожидает. Сюрприз, да. Люблю награждать тех, кто меня радует.

Он – порадовал.

В дверь вип-зала стучат.

Надо же, какой воспитанный мальчик. Пятерка за хорошее поведение. Сегодня ты, так и быть, можешь встать с колен.

Ох-х, Ира, прекрати, ты не будешь так думать. Не дай бог – вырвется, и плакало твое облегчение от этой помешанности кровавыми слезками.

– Заходи, я готова, – восклицаю я, устраиваясь на столе и закидывая ногу на ногу. С учетом туфель на моих ногах –

должна выглядеть сексапильно.

Подарочек готов и распакован, Антон Викторович, можете приступать к использованию.

Черт, как же я хочу, чтобы с ним все вышло... Аж пальцы крестиком переплести хочется.

– Ну, заходи же, – кричу громче, только удивляясь его задержке, – я уже замерзла.

Дверь наконец-то открывается.

И в вип-зал вваливается человек девять пьяных парней из нашей конторы.

Андрей – из охраны. Виталик – курьер. Игнат – зам генерального. И еще какие-то лица, которые я плохо разбираю, потому что меня ослепляет вспышка камеры на чьем-то телефоне.

– Вы посмотрите, а у нашей Мадамы сиськи есть, – бесстыже ржет какой-то мудак.

Мадама – это я. Моя кличка в нашей долбанутой конторе. Наверное, если бы меньше дронила этих ленивых ублюдков – была бы кличка повежливее. Вот только меньше всего меня волнует чья-то там обиженная душонка.

– Ирина Александровна, улыбнитесь, будете звездой ютуба, – нагло орет мудак №2.

– Ну, же, Петр, зачем так орать, – подает голос замгенерального, наш драгоценный Игнат Николаевич, а затем, добавив в голос эротичности добавляет: – Ирочка, вы тут не замерзли? Антон Викторович сказал, что вы тут скучаете в

одинокестве. Просил его для вас скрасить. Не позволите?

И только сейчас до меня доходит, что это все происходит на самом деле.

И я сижу перед толпой пьяных мужиков.

Почти голая.

Скрасить мое одиночество попросил, значит? Надо же, какой заботливый у меня босс!

Глава 3. Антон

Чтобы не упустить ни секунды спектакля, мне приходится переехать к барной стойке. И тут, с еще одной порцией виски, насладиться зрелищем.

Ну, а что, я, в конце концов, заслужил это веселье.

Парни, столпившиеся у дверей вип-кабинета, гогочут, по-свистывают.

Госпожа синий чулок явно пришлась им по вкусу. Какой непривередливый у них однако вкус. Я не завидую – делать мне больше нехер.

Стыдно ли мне? Нет, мне не стыдно. Пусть это будет ей уроком. Пусть сейчас она напугается и прикусит свой наглый язычок, спрячет голову в трусы и больше никогда не будет смотреть в сторону тех мужчин, которые ей не по зубам.

Ничего серьезного ей парни все равно не сделают, вряд ли хоть кто-то из них хочет сесть, а сейчас в ресторане много свидетелей. Да и сомневаюсь я, что кто-то заинтересуется сиськами Хмельницкой на серьезных щах.

Правда, я отдаю отчет – вероятнее всего, в понедельник я буду подписывать её заявление об уходе. Ну и черт с ней, рынок труда полон безработных главных бухгалтеров. У меня даже есть на примете пара знакомых, с отличными рекомендациями.

Уволю, в понедельник же и уволю, и пусть катится ку-

да-нибудь к боссу своего унылого уровня. А если она попросит прощения за свою наглость – я даже не заставлю её отрабатывать две недели позора. Может быть. Интересно, много ли фоток парни сделают? И как долго оно будет летать по рабочим чатам в качестве страшилки?

А если будешь плохо работать, придет госпожа главный бухгалтер и тебя трахнет. Смотри, какая у неё унылая задница!

Ребята у vip-кабинета оживляются, там явно происходит какая-то движуха.

Кажется, Хмельницкая прорывается с боем. В чем мать родила, точнее в чем ожидала меня. То есть в одном белье. Пока его мне не очень видно. Хотя, не очень-то и хотелось.

Ирину зажимают в дверях курьер и Игнат. Мой зам хватывает госпожу главную бухгалтершу за задницу. Виталик – за грудь, кажется, даже зажимает между пальцами соски. Виталик, окстись, за что ты лапаешь? И как только рука поднимается? Или что, думаешь, она тебе премию за такое лишнюю выпишет? Ну-ну. Ты посмотри, на какие подвиги некоторые ради денег идут.

Я вот не знаю, сколько мне нужно приплатить, чтобы я даже на аналогичный подвиг пошел.

Охает и сгибается пополам Игнат – ему мегера всаживает кулаком в живот. С размаху. Ну, что ж, это ему наказание за тот фант, пожалуй. Гена валит все на него. Так что так ему и надо.

Вскрикивает и Виталик – курьеру настолько глубоко вгоняют каблук в ногу, что мне аж дистанционно больно. Ну, хоть не в пах, скажи спасибо, Виталик.

– Ну, и кто следующий хочет сесть за домогательство? – Ирина рычит, яростно, и от этого её рыка даже мужики шарахаются. Ну вот. И как хотеть вот такое? У меня вот лично бы уже от этого упал бы. Терпеть не могу скандальных баб.

– Дебилов нет? Ну надо же, вот это действительно откровение! – ядовито сплевывает Ирина, и уже без препятствий шагает в зал. Кажется, даже не замечая, что на ней из одежды только трусы и чулки, а лифчик после пальцев Виталика – немного сбилсЯ, и из-под кружева выглядывает розовый сосок.

Сосок. Сквозь кружево. Я почти ослеп.

Ирина подходит ко мне, замирает в двух шагах, даже не обращая внимания на то, что на неё, почти голую, оборачиваются её же коллеги. Судя по её лицу – она и без трусов могла бы пройтись.

А я – пытаюсь наладить собственное дыхание, потому что виски у меня совершенно не тем горлом пошло.

Ох...

Оказывается, под скафандром главной бухгалтерши скрывалась очень-очень горячая девочка...

Фееричнее открытия эта ночь для меня не могла приготовить. Никогда не верил дебильным киношкам, в которых одним переодеванием делали из чучела секс-бомбу.

В этом конкретном случае обошлось одним раздеванием.

Я её жутко состарил, кстати, вот сейчас, без очков, с распущенными волосами и без мешка, скрывающего фигуру, становится очевидно, что она совсем молодая. Лет двадцать пять, не больше.

А грудь у неё весьма аппетитная, кстати... Оказывается, и двоечка может заставлять истекать слюной. Понятно, почему не смог удержаться Виталик. Не понятно, почему мне теперь хочется ему вырвать руки из плеч. С корнем.

Грудь грудью, но и все остальное у Ирины – очень даже... Можно захлебнуться слюной, нечаянно.

Подтянутая задница, длинные ноги в темных чулках.

Чулки!

Вот уж чего я точно не ожидал увидеть на нашей Мисс Просроченная Девственность, так это чулки.

Мне казалось, что Ирина под своими штанами носит одни только панталоны, бабушкины, по колено, в розовый цветочек. А вот надо же, какая красота, оказывается, у меня под носом бегала, прятала под штанами проститутку.

И вот от этого я отказался.

Знал бы – может, и подумал бы, стоит ли затевать всю эту хрень.

Но сейчас – не время для сожалений. Сейчас – время пожинать. И я в самом деле жду. Жду своей победы. Когда же наша Ирочка покраснеет, спохватится, что так опозорилась на всю фирму, расплачется и убежит.

А она же смотрит на меня с кипучей яростью и бесит меня тем, что не сдается.

Я ей насмешливо улыбаюсь, салютую стаканом с виски, глотаю его.

За твои сиськи, дорогая! И за то, что они у тебя есть, и за то, что такие красивые.

Она выдирает у меня стакан из пальцев и швыряет его об пол. И стакан разлетается вдребезги, привлекая к себе внимание уже всего зала. Хотя на нас и так уже почти вся фирма пялилась.

Ох, ни хрена себе, какие мы, оказывается, дерзкие. И это вдруг люто меня заводит, заставляет кровь в венах кипеть еще сильнее. Теперь я еще больше хочу её поражения.

– Ты ничего мне сказать не хочешь, Антон Викторович? – рычит госпожа главный бухгалтер. И где-то в глубине моей душонки, еще не совсем убитой безжалостными законами рыночной экономики, скребется совесть. Может, это я все-таки зря? Хотя нет.

Это стоило того.

Каждая секунда этой стычки.

– За бой посуды ты сама заплатишь, Ирина Александровна, – безмятежно откликаюсь я, опираясь на барную стойку обоими локтями.

Сложно ей не восхищаться. Десять из десяти мне знакомых женщин вот после этого – сбежали бы в слезах, а эта нет, стоит тут, напротив меня, скрестив руки на красивых сись-

ках. Будто и не в трусах стоит посреди ресторана, а в королевской мантии. Я даже не ожидал, что у неё на это хватит духу.

И я снова ощущаю это странное чувство, когда хочется только замереть и следить за каждым её движением. Как тогда, на танцполе, перед тем, как она ушла в вип-кабинет.

– То есть извинений я не дождусь, правильно? – яростно выдыхает Хмельницкая.

– Нет. Ну почему. Дождешься. Если произнесешь их сама, – я пожимаю плечами, – если хочешь, могу подсказать текст. Простите, Антон Викторович, что предложила вам свою унылую персону. Больше так не буду. Очень раскаиваюсь.

На бледных скулах Хмельницкой расцветают алые пятна. Дракониха, как она есть.

Ирина шагает ко мне. Сгребает меня за галстук, двумя резкими движениями наматывает его на свой кулак. Это настолько дико и неожиданно, что я чуть не давлюсь собственным языком, глядя в кошачьи яркие зрачки Хмельницкой.

– О да, Антон Викторович, – горячее дыхание госпожи главного бухгалтера проходит по моим губам, – я действительно чрезвычайно раскаиваюсь, что предложила себя такой твари, как ты. Мне действительно ужасно стыдно, что я опустила настолько. Не бойся – больше не опущусь.

Все её слова – почти те же, что ей продиктовал я. Но она – переворачивает их с ног на голову, так, что уже в моей груди

разливается яростный жар. Не бойся? Это она раскаивается в том, что запала именно на меня? Да что эта сучка о себе возомнила?

Я не знаю, что на меня находит – я подаюсь вперед, пытаюсь накрыть своим ртом её наглые губы, которыми она так дерзко пытается меня ставить на место. И сам на себя матерюсь. Я что, реально хочу её целовать? С какого хрена?

Но я – хочу.

И член в моих штанах уже дыбом стоит, непонятно отчего, но сомнений нет – именно на эту обкуренную бабу. Я смертельно хочу её трахнуть. Еще пять минут назад не хотел, а сейчас – дым из ушей вот-вот пойдет, если я этого не сделаю.

Вот только Хмельницкая не только уворачивается от моего рта, уклоняясь от поцелуя, но и с неожиданной силой дергает мой галстук так, что я вдруг оказываюсь на коленях посреди ресторанного зала.

Виски был лишний. Наверное – весь. Это из-за него я не устоял на ногах.

Но какая же наглая сука... Меня! Швырять на колени! Перед всей фирмой! Да я же её в асфальт на офисной парковке вкатаю, и каток сверху поставлю!

А вот почему я не встаю, пораженно пялясь в зеленые глаза Ирины? И почему язык за моими зубами такой ватный? Вот это действительно загадка!

– Вот так ты должен стоять, щенок, – шипит Ирина, – и не смей открывать свою грязную пасть без моего разрешения.

Она охренела! И этот её шепот внезапно звучит почти оглушительно. Я замечаю, что и звукач вырубил музыку, чтобы не упустить ни слова из нашей перепалки. Все-таки хлебом не корми этих идиотов, дай какое-нибудь зрелище.

И все-таки – она охренела. Окончательно! Как она вообще смеет так вести себя со мной? И уж тем более, отшатываться от меня так, как сейчас.

С таким отвращением на лице, будто она только что съела живого червяка и без соуса. Ирина отворачивается и уходит обратно, к вип-залу, и почему-то те мужики, которые еще пять минут назад снимали её на телефоны – шарахаются с её пути, стоит только Ирине задеть их взглядом.

А я смотрю на шикарную задницу Хмельницкой в сумасшедших черных стрингах и понимаю, что вообще-то – у меня стоит до сих пор. И не думает падать.

Наверное, дело в её заднице... Ну или в сиськах. В чем же еще

Глава 4. Ирия

Руки у меня трясутся.

Я держу их под ледяной водой, бьющей из крана, но они все равно трясутся.

В уме я представляю, как выдаю Антону Верещагину одну пощечину за другой, до тех самых пор, пока мои ладони не запыхают, а звон в его пустой голове не станет слышен всем окружающим.

Дура! Какая же я дура!

И вот ради этого куса дерьма я собиралась завязать с Темой? Боже, не-е-ет, ни за что в жизни. Уж лучше вообще ни с кем вне Темы не связываться, там хотя бы понятные мне люди. Те, которые не делают ничего не логичного. Те, которые хотя бы пытаются слушать правила и говорить, что хотят и чего не хотят.

Смотрю на себя в зеркало, поправляю на носу очки. Простые нулевки, их я ношу просто для имиджа. Неровные красные пятна покрывают лицо и шею. Красотка, Ира, ничего не скажешь!

Одежду я из vip-кабинета забрала, оделась в туалете, теперь вот стою и пытаюсь выдохнуть, пытаюсь унять ярость, кипящую в моей крови.

Тварь! Какая же тварь!

Нет, я не буду размазывать слезы по лицу, и рыдать: “По-

чему?”

Нет никакого честного ответа на этот вопрос. Потому что Антошеньке так приспичило. Потому что ему все это показалось очень весело.

Просто потому, что он – мудозвон редкостный. И я ведь об этом знала, только почему-то решила, что меня его мудизм никак не заденет.

Самообманываться – это самая вредная привычка человека.

Я не понимаю только одного – что я ему такого сделала? Он же сам ко мне пришел. Сам пригласил меня на танец. И если я ему не нравлюсь – что, сказать было сложно? Почему просто было меня не отшить?

И зачем вообще было подходить?

Ключевой вопрос – зачем было так-то мудить?

И все-таки, зачем было подходить?!

Дверь туалета приоткрывается и в него просовывается одна осторожная голова. Секретарша мудака Антошеньки – Наташа. Глаза вытаращенные, охреневшие.

– Можно, Ир?

Я киваю. Пока не могу говорить – не хватает воздуха. И цензурных слов.

– Ну, Антон Викторович и... – Я качаю головой перебиваю Наташу посреди фразы. Я и так знаю, что он – сука. И раньше знала. Правда совсем не замечала за ним вот такого скотства в адрес женщин. Тем более, что я вообще не знаю,

какие слухи сейчас уже успели разойтись по бухающим на корпорате коллегам.

Хотя – многие видели, как Антон со мной танцевал. И куда я пошла после – тоже. И в каком виде оттуда выскочила и при каких условиях. Внятную, хотя и далекую от реальности версию они уже сочинили.

– Ирка, ну ты даешь, Верещагина – и на колени. Посреди зала. – Наташа шепчет это с восхищением. И пусть меня обычно коробит эта “Ирка”, сейчас мне не до формальностей и обращения по имени отчеству.

Уголок моего рта удовлетворенно дергается.

Да, это было восхитительно. Хотя и мало. За свое гадство Антон Верещагин не отделался бы столь малой кровью. Да, порку за такую провинность я бы ему устроила такую – он две недели бы на своих совещаниях только стоял.

И какая жалость, что нельзя.

В моих висках по-прежнему шумит и бьется голодная ярость. Ох, не один удар плети бы достался шикарной заднице этого поганца.

Будь он только в Теме...

Будь он только моим...

Боже, Ира, и зачем ты сейчас об этом думаешь? Вот сейчас? Когда ясное дело, что больше никак твои мысли этого мудака касаться не могут. Хотя в таком случае этой ситуации вообще бы не было. И все-таки...

И все-таки – нет.

Нет – значит «нет». Это закон для всех, кто в Теме.

Антон Верещагин мне ясно показал – я его не интересую.

Да и если бы интересовала – я его уже не хочу. Бессмысленно тратить свои силы на этот кусок дерьма. Это насколько сильно мне надо пасть, чтобы захотеть его снова? Я же не могу спустить ему это просто так.

– Ир, – тормозит зависшую меня Наташа, и я вздрагиваю и гляжу на неё.

– Тебе водки может принести? – сочувственно интересуется секретарша Антончика. Может, он её специально подослал? Озарение это накатывает на меня внезапно. Паранойя – это вообще очень полезная привычка.

Пальцы нашаривают кулон на моей шее. Стискиваю его и выдыхаю.

Я помню, зачем его ношу.

Три вдоха, три выдоха.

Контроль эмоций – вещь полезная. Ярость можно отложить чуть-чуть, хотя – мне очень нужно дать ей выход. Но здесь – я этого не сделаю. Не могу. Нету возможности.

– Водки не надо, – я качаю головой, приводя мысли в четкий алгоритм, – а вот сумку принеси от моего столика. Синюю такую, от...

– Да знаю я твою сумку, – отмахивается Наташа буднично и выскакивает из туалета. Возвращается через три минуты с моей сумкой в руках.

– Антон Викторович за своим столиком, – ябедничает

она, – продолжают бухать. Правда, уже не ржут. Морда у него мне не понравилась. Злой!

– Ничего, – я мстительно улыбаюсь, припоминая, как швырнула щенка на колени перед собой. Ну, и перед кучей зрителей, естественно.

Какие охреневшие у него были в этот момент глаза, м-м-м, красота. Еще бы кляп добавить – и вообще была бы идеальная картинка.

– Ему полезно, да, – хихикает Семенова, будто подтверждая эту мою мысль про кляп.

Вообще – Наташа довольно рано получила «прививку Верещагиным». Сколько раз он её поимел, прежде чем она поняла, что ничего серьезного он ей предлагать не будет?

Передумала, замутила с нашим начальником транспортного цеха. Кажется, осенью они собирались пожениться. Счастливая женщина. Умная!

Не то что некоторые.

– Ир, а что ты дальше делать будешь? – осторожно интересуется Наташа, пока я роюсь в сумке, проверяя вещи.

Телефон, карточки, ключи от квартиры, ключи от личного номера в клубе, рабочие ключи... Боже, нахрена я на корпоратив взяла столько ключей – на кастет бы хватило! Хотя, какая из связок вообще лишняя?

Интересный вопрос. И мой, и Наташин – оба хороши.

– Домой поеду, – отвечаю я ровно, – сама понимаешь, праздновать юбилей фирмы я уже не хочу.

– А потом? Что с работой? – у Наташи заинтересованные глаза. И я припоминаю, что там у неё с дипломами, и мне хочется закатить глаза.

– Уволюсь я, уволюсь, можешь готовиться выбивать перевод с должности на должность, – фыркаю я. Хочется ей стать кем-то большим, чем простая секретарша в этом гадюшнике? Хочется вымаливать на коленях перед мудаком повышение? Пускай. Не мне её осуждать.

– Да ты чего, Ир, – Наташа обиженно машет на меня рукой, – я не из-за места. Просто... Не хочется больше... Ему кофе таскать. Как-то мерзко после сегодняшнего.

Вопреки всему моему цинизму – я верю. Ведь может же ей действительно быть мерзко обслуживать «милейшего» Антона Викторовича. И может хотеться повышения, зарплата у меня выше, чем у неё.

Правда, если было бы по-настоящему мерзко – она бы, наверное, тоже уволилась, но это слишком, наверное.

Ну – для меня не слишком. Я не буду больше тратить свое время в «Верещагин и Со» – делать мне больше нечего. Пусть в своем дерьме варятся сами.

– Спасибо за поддержку, Наташ, – спокойно благодарю я. Реально есть за что. В конце концов – она мне не подруга, она мне подчиненная, которую я жестко штрафую за задержки с оформлением документов. Но посочувствовать она пришла. И нужно сказать – это выходит у неё искренне.

– Ой, да ладно, – Семенова отмахивается, – честно, я ду-

мала, тебе тут платки понадобятся, хотела тебе сказать, что бабы наши на твоей стороне, а ты – вон какая. Спокойная.

– Ох, если бы...

Я неровно вздыхаю.

Спокойствием мое состояние не называется. Ну, у этого разговора все-таки имеется положительная сторона – я больше не напоминаю своей пятнистостью леопарда и руки, которые просто сводило от желания сжаться на горле Антона Верещагина, больше не трясутся.

– Ну, давай тут, Ирка, держись! – Наташа грозит мне кулаком и покидает туалет.

Забавный жест. Держись, а то я тебя еще побью, сделаю больно, станет еще хуже.

Радуюсь долгожданному уединению, я достаю телефона. Сейчас – мне никто не мешает поговорить, ни свидетели, ни мое нервное состояние.

Тот, кто мне нужен, отвечает со второго гудка. Днем – отвечает с первого, но сейчас все-таки глухая ночь на дворе. Хотя я точно знаю, у Прохора на мой номер стоит эксклюзивный гудок. И что очень ценно – он живет не так далеко.

– Доброй ночи, Ирия.

Он скучал. Это ощущается по тону голоса, в котором звенит напряженное желание угодить. Проша – уже опытный, почти профессиональный раб. Из тех, кто немислимо кайфует, становясь на четвереньки и подставляя спину для плети.

– Я могу приехать сегодня. Как госпожа. Хочешь?

Прохор замолкает с той стороны трубки.

– Сегодня – бесплатно, – добавляю я, – все как обычно, по стандартному договору.

В наш стандартный договор с Прошей входит стандартная порка и укрощение. Никакого секса. В конце концов – Проша хорошо и прочно женат, и жена у него славная. Очень-очень правильная. Кто виноват, что её образцовому очень высокопоставленному муженьку, два раза в неделю очень не хватает приключений на задницу?

– Ну? – поторапливаю я, дожидаясь Прошиного ответа. В конце концов, это не по нашему с ним графику. У него просто может не быть возможности.

– Очень хочу, госпожа, приезжайте, конечно, – Прошин тон заставляет меня успокоиться еще сильнее. Ничего на свете нет вкуснее, чем этот сладкий вкус чужой готовности к служению. Жаль, конечно, что это не Антон Верещагин готов целовать мои туфли, ну ладно. У меня богатое воображение. Я представляю.

– А жена?

– Я найду что сказать.

До сих пор не знаю, что он с ней делает – врет или говорит правду. Странная у них семейка, ей богу.

– Я буду через час.

В конце концов, зачем-то же я вожу целый багажник с инструментарием.

– Жду, госпожа.

Сбрасывая вызов, я смотрю в зеркало и чувствую себя действительно спокойнее. Цель есть, и спать сегодня с невыпущенным наружу гневом я не лягу.

Можно и правда уже ехать.

Я наконец выхожу из туалета. На самом деле я проторчала там минут сорок, не меньше, приводя себя в порядок, одеваясь и успокаиваясь.

Прохожу через зал с ровной спиной и без оглядки. Мужики с моего пути разлетаются будто голуби. Правильно, уроды, вам лучше бежать от меня как можно дальше. Вам же лучше, если мне будет нечего вам припомнить. Дольше проживете. И зарплаты целее будут.

В конце концов, именно я в фирме Верещагина больше всех знаю, кому не додается штрафов за нарушение рабочего расписания, за невыполнение должностных инструкций и так далее.

И за две недели отработки – я ого-го сколько выдам своей «любви» всем, кого я запомнила по толпе идиотов, вломившихся ко мне.

Еще бы придумать, как Верещагину такие проблемы устроить, чтобы и самой не пострадать, а ему чтобы было как можно более «весело».

Я ощущаю взгляд Антона. Злой – да. Злой, пристальный, безотрывный. У выхода я даже останавливаюсь, оборачиваюсь. Да, не ошиблась. Реально смотрит на меня, как Расколь-

ников на старуху-процентщицу. Только топора не хватает. Сразу видно, что не может мне спустить этот позор перед всей фирмой. Не умеет Антоша проигрывать. Совершенно.

Я улыбаюсь ему как можно более высокомерно, касаюсь губ кончиками пальцев и посылаю ему воздушный поцелуйчик.

Обращайся еще, щенок, могу вытереть тобой пол в любое время дня и ночи. Не пожалей твоей дорогой рубашечки.

И все-таки – какая красивая тварь! Аж больно на него смотреть.

Антон улыбается мне в ответ – и тоже как-то неприятно, с предвкушением. И мне не нравится это выражение на его лице. Совсем не нравится.

Хотя похер мне на его мысли.

Что он мне может сделать, к чему я не готова?

На работе я – идеальный сотрудник. Не прикопаешься. Я ж специально строила такой имидж. Так что по статье меня не уволишь. А не по статье – я и сама уйду. Не буду так оскорблять нашего нарцисса моей «унылой персоной».

У самого выхода в ресторан я натыкаюсь на нашего финансового директора Смалькова.

Геннадий Андреевич явно пытается перегородить мне дорогу, стремясь не дать мне пройти.

– Ирочка, а вы куда, вечер еще не закончился? – он косит под блаженного, и как нарочно меня раздражает все сильнее. И злость, только-только притихшая в ожидании встречи

с Прощей, снова начинает меня одолевать. С каждой секундой – все сильнее.

– У меня – закончился, – едко отрезаю я. Больше регламент и субординация не для меня, и трепетать перед друзьями ублюдка я не буду.

– Ирочка, ну оставайтесь, – с такой фальшивой улыбкой просит Смальков, – вы же произвели фурор.

С куда большим удовольствием я бы произвела террор. Кровавый. Одному конкретному ублюдку – своему непосредственному боссу.

Я просто шагаю мимо, огибая Смалькова и уворачиваясь от той его руки, которой он попытался меня удержать.

Выхожу на парковку перед рестораном.

И вот тут меня ждет еще одно неприятное откровение.

На том месте, где я оставляла свою машину, ничего нет...

Вот же сучонок... И только мне не говорите, что это не он!

Глава 5. Ирия

Телефон, карточки, ключи от квартиры, ключи от личного номера в клубе, рабочие ключи...

Как я сразу не заметила, что ключей от моей машины в сумке нет?

Угнал, пьяная тварь. Или кому-то отдал, чтобы тот угнал.

Я бы подумала на эвакуатор, но я парковалась правильно, и номера были чистые, да и не успел бы он приехать за полчаса.

Нет. Не эвакуатор. Разве что он реально мимо проезжал. Случайно.

Случайнее него могло быть только НЛО в этом районе Москвы.

– У вас что-то случилось, Ирина Александровна?

Сахарный голос. Бархатный. На данный момент – голос, заставляющий весь мой мир подернуться алым туманом.

Голос Верещагина.

Он стоит за моей спиной, вышел с одной очевидной целью – поглумиться. Стоит, расставив ноги, запихнув ладони глубоко в карманы брюк. На губах – ехидная резиновая улыбка.

Мы сталкиваемся яростными взглядами – и мне очень странно, что после этого вселенная не взорвалась. И мудака не испарился на месте. Что со мной? Я теряю форму?

И все-таки даже сейчас, когда он люто меня бесит – я все

равно им люблюсь. Мне было мало его на коленях. Хочу еще.

Я бы порола его три раза в неделю. И может быть, полгода спустя он бы отработал болью свою дрянную натуру. Почему я раньше её не видела? Почему не понимала, насколько глубоко в его душе находится дно?

– Я ведь напишу заявление об угоне, Антон Викторович, – я говорю это серьезно, спокойно – ведь еще раз вывести меня из себя этому козлу не удастся, – и на моей сумке наверняка найдутся чьи-то отпечатки. И на камерах ресторана наверняка кто-то засветился. А в тачке моей – модуль спутникового отслеживания.

– Ужасно интересно и очень ответственно, – Верещагин кивает, склоняя голову набок, – вот только, почему вы рассказываете об этом мне? Думаете, я имею какое-то к этому отношение? Это обвинение? Знаете, сколько поймееет с вас мой адвокат за такие оскорбления?

– Оскорбишь тебя, как же, – шиплю я раздраженно и шагаю подальше, чтобы не продолжать этот идиотский разговор. Отвесить ему пощечину мне хочется все сильнее. Две. Три...

Он же ни черта не понимает. И вместо того чтобы притухнуть и свалить из поля моего зрения, он продолжает доводить меня до ручки.

И почему именно меня? С чего такая сомнительная честь? То есть перетрахать четыре десятка баб за год – это нормально по его критериям, и лишь я не только не достойна

члена его высочества, но и воспринимаюсь им как девочка для битья. Вот только он не на ту напал.

Я переживу сегодня без сумки из моего багажника. У Проши в брюках непременно найдется ремень, а большего мне и не нужно.

Хотя это безумно несправедливо, что именно Проше достанется за ублюдка Верещагина. Он же к жене еле живой поползет... Ну, если, конечно, вынесет всю мою ярость.

Я иду не оборачиваясь. Телефон достаю из сумки. Мне нужно такси хотя бы...

Бах!

При моей комплекции и каблуках – когда в меня врзается мужик в полтора раза тяжелее меня – я чуть не лечу на асфальт. Удерживаюсь на ногах только каким-то чудом. А вот телефон из руки вылетает, падает на парковочное покрытие, чтобы... тут же оказаться под каблуком мужского ботинка.

Стекло жалобно хрустит...

Сука!

– Вы не ушиблись, Ирочка, я такой неловкий, – ядовито интересуется Верещагин. Да – это он меня толкнул. И это он раздавил мой телефон...

Боже, спасибо, что у меня нет ножа.

Я бы сейчас этого урода прирезала даже тупым столовым. И делала бы это медленно. Чтобы было побольше его крика.

Я привожу себя в равновесие, поднимая взгляд на Верещагина, снова опускаю глаза, глядя на телефон под его бо-

тинком.

– Ох, – ухмыляется Верещагин, – простите, Ирочка, я ваш телефон сломал? Я же говорю – я ужасно неловкий. Вы не волнуйтесь, я вам все оплачу. *В понедельник.*

А сегодня, Ирочка – добирайся домой как хочешь, ведь живешь ты в сраных ебенях на другом конце Москвы. Я это читаю в его глазах – весь этот текст там пущен субтитрами.

Почему-то я не сомневаюсь, ни одна трусливая тварь из моих коллег мне не поможет. Не захотят они связываться с этим козлом.

– И чего ты добиваешься? – спрашиваю я спокойно, глядя в его глаза. – Вот этим своим детским садом чего ты добиваешься, Антон Викторович?

Он шагает ближе, нависая надо мной. Дышит так тяжело, будто пробежал полумарафон, не меньше. И от него веет диким яростным жаром.

Какая жалость, что меня все это больше совершенно не волнует и не впечатляет.

– Тебя, сучка, – шипит тем временем этот поганец мне на ухо, – я добиваюсь тебя. Поняла?

Мне смешно. Мне настолько смешно, что хочется захохотать.

И я себе в этом не отказываю – смеюсь во все горло, запрокидывая голову.

– Это я тебе предлагала минут сорок назад, – улыбаюсь максимально ядовито, – с той поры предложение потеряло

актуальность. И кажется, я тебе уже об этом говорила. *Тогда. В зале. Помнишь?*

Он багровеет. Да, малыш, я знаю, что теперь ты этого не забудешь. Надеюсь только на своих коллег, которые это наверняка сняли на телефоны. Я бы заимела это видео для коллекции.

– О нет, – рычит Антон, – мне вообще плевать, что ты там говорила. Либо ты становишься моей шлюхой, Ирочка, и я трахаю тебя абсолютно в любое время, когда мне захочется, трахаю так, как я захочу и так – чтобы все мои подчиненные слышали, как ты визжишь как сучка, кончая подо мной...

Я. Визжу. Под ним.

Веселее предложения я в жизни не слышала. Придумал же. Богатая фантазия у этого щенка.

Мне понятно, что у него пригорает – мужское эго, которое в ресторане поставили на коленочки. И в этой ситуации, когда, наверное, я должна быть оскорблена и напугана, мне хочется только рассмеяться.

Надо же, как его проняло. И надо же, как просто лечатся его обидки. Всего-то дать нужно...

Хотя я понимаю, что дело не в этом. Ему нужно меня унижить, растоптать в глазах тех, перед кем я его швырнула на колени. Чтобы его секретарша не бегала ко мне, меня успокаивать, а ненавидела и презирала.

Ах, какая жалость, что мне совсем не страшно. Ему ведь невдомек, что самое важное в моей жизни – это я сама. И

никогда в жизни я не позволю кому-то стать выше меня хоть даже на пару ступеней.

– Либо что? – с интересом уточняю я, чудом не смеясь. – Что будет, если я не стану... той, кем ты хочешь меня видеть, Антон Викторович?

– Я тебя уничтожу, – буднично откликается мудака, – камня на камне не оставлю от твоей репутации. Тебя даже уборщицей в МакДак не возьмут. Да что там в МакДак. Даже уборщицей в магазинчике с тухлыми овощами тебе стать не светит.

Я улыбаюсь. Я настолько широко улыбаюсь, что мудака аж затыкается от этой моей улыбки.

В уме я понимаю, что наверное, он ждал от меня чего-нибудь другого. Страха. Отвращения. Протеста. Не улыбки – ни в коем случае. Но, к счастью, ничего другого у меня для него не имеется.

– Ну, попробуй уничтожить, – похлопываю его ободряюще по щеке, от чего Верещагина просто перекашивает. Такую издевательскую фамильярность в свой адрес он точно не ожидал.

Он просто не догоняет. Ну, и правда – а что он обо мне знает? Ох, сколько «приятных» сюрпризов его ожидает. И что я, дура, мешать ему? Нет, ни в коем случае.

– Ирина, – вдруг окликают меня слева.

Смальков.

И чего нужно третьему из трио мудаков?

Впрочем до Антона мне дела нет, я всего лишь поворачиваюсь в ту сторону.

Геннадий Андреевич стоит у белой машины такси.

– Может, вас подвезти, Ирина? – предлагает он, – в этой машине места на двоих точно хватит.

Он точно в курсе, что тачки у меня нет. Я это знаю. Он пытался меня задержать на выходе – возможно потому, что хотел прикрыть отъезд угонщиков. А возможно – из сочувствия?

Да не, бред какой-то.

И все-таки – Верещагин от этого вопроса вздрагивает, будто его в поддых ударили и сейчас смотрит на партнера с такой искренней ненавистью, что сложно это проигнорировать.

Кому-то явно портят все планы. И как я могу отказаться от удовольствия подмахнуть этому облому для Верещагина?

– Да, Геннадий Андреевич, будьте так любезны, – доброжелательно произношу я.

Хотя в этом случае я к Проше, конечно, не поеду... Позвоню с телефона Смалькова – если даст, а после – удалю номер. У Проши, конечно, анонимная симка, но не хватало, чтобы ему названивали всякие.

Я подбираю с асфальта раздавленный телефон – может, удастся его реанимировать – и шагаю в сторону нашего финансового директора.

Я понятия не имею, какие у Смалькова планы и какая мо-

тивация, но сейчас по крайней мере – если выбирать из одного почти не адекватного ублюдка, и одного – почти не ублюдка и, кажется, адекватного – я, конечно же, выберу Смалькова.

Верещагин хватает меня за плечо.

– Я тебя не отпускал, – рычит он.

Какой же идиот. Даже стыдно, что два года своей жизни я потратила вот на это!

Я на каблуках и легче, и очень вероятно, что у меня ничего бы не получилось, но Верещагин пьян и стоит все-таки не очень твердо. Поэтому, перехватить его за кисть руки и выкрутить её ему за спину – мне очень хорошо удастся.

Выкрутить руки и уложить мордой на капот ближайшей тачки – с такой силой, что тут же начинает вить сигнализация.

Я буду кровным врагом Антона Верещагина, не меньше. Он выдает только хрипкое ругательство, дергается, пытается высвободить руки, но я умею держать так, чтобы вывернуться было сложно.

– Ты мне не хозяин, Антон Викторович, – сквозь зубы шиплю я, – и лучше бы тебе понять это как можно раньше. Мне не нужны твои разрешения.

И я тебя не боюсь. Как бы ты ни дул свои щеки, пытаюсь произвести на меня впечатление.

– Сука... – хрипло шипит Антон.

– Да-да, угадал, – с этими словами я выпускаю его руку

и торопливо шагаю в сторону ожидающего меня Смалькова. Благодаря шумящему в голове виски, Антон меня не догоняет. Так и остается стоять, глядя, как Геннадий Андреевич открывает мне дверь машины, и я в неё сажусь.

Только в машине я позволяю себе откинуться на спинку сиденья и прикрыть глаза.

Виски ломит голодным жаром. Сегодня я очень хочу причинять боль и наказывать – но я не могу рисковать тайной личности Проши, которая точно пострадает, если я приеду по тому адресу, на котором спина Проши устраивает свидания с плеткой.

А это значит – сегодня мне придется как-то пережить без спущенного напряжения.

Я не поставлю на колени никого сегодня. И моя тьма останется в моей груди, будет раздирать меня изнутри.

И это тоже – еще одно «спасибо» Антону Верещагину. Боже, как мне его не убить-то вообще?

И все-таки, мне по-прежнему за эти два года очень стыдно. В конце концов, даже наш курьер и тот сейчас кажется более достойной кандидатурой на роль роковой страсти.

Глава 6. Ирия

– Да, я слушаю?

– Это я. У меня сменились планы. Я не смогу.

С той стороны трубки тихий вздох. Да, мой хороший, мне тоже ужасно плохо, что не получается. Мне нужна была эта пара часов, где были бы на одной встрече моя рука, моя плоть и твоя широкая спина, готовая принять мой гнев. И твои глаза, верно глядящие на меня снизу вверх. И все то другое, что ты уже умеешь и что можешь мне дать.

Боже, как мне это нужно сейчас...

– Жаль. Но во вторник все в силе?

– Да, все по расписанию.

– Что ж, я дождусь.

Я сбрасываю вызов, стираю номер телефона, как и собиралась. Номер засвечен, Проша уже сегодня уничтожит симку и скажет мне новый номер только во вторник, когда таки состоится наша с ним встреча. Или сам позвонит уже на мой номер. Таковы наши с ним правила. Больше всего на свете мы заботимся о его конфиденциальности. Она стоит во главе. При его положении – огласка его увлечений разрушит его репутацию. Это недопустимо.

Потому он и выбрал меня когда-то в качестве мастера – правила моих клиентов были для меня на уровне законов. Я их никогда не нарушаю.

Уж я-то знаю, насколько это неприятно, когда твои границы нарушают...

Я возвращаю телефон Смалькову, откидываюсь на спинку сиденья и смотрю в боковое стекло

В такси тихо. Очень тихо.

Смальков только что надиктовал водиле мой адрес, водила присвистнул – ехать реально далеко, но присвистнул он скорее от восторга – ибо сумма ему светит очень приличная.

– Вы не волнуйтесь, если что, Ирина, дорогу я оплачу, – тоном подлинного джентельмена замечает Геннадий Андреевич. Он звучит неожиданно трезво. Я думала, все их мудацкое трио пьяное в лохмотья.

– Я не волнуюсь, – негромко откликаюсь я. Это не было ничем страшным – заплатить за себя в такси. И когда доедем – я все оплачу сама, потому что не нужны мне никакие одолжения от друзей Антона Верещагина.

Вообще Смальков – самый взрослый в тройке учредителей. И пока наглый и напористый Антон вместе с Игнатом, с которым они два сапога пара, давит конкурентов и захватывает рынок, Смальков – вдумчиво и обстоятельно выстраивает внутреннюю политику нашей конторы.

Он – коренастый, светловолосый, сероглазый, коротко стриженный. Смотрится матерым волком на фоне двух своих партнеров – этаких двух молодых альф. Но все равно они – друзья, это все знают. Вместе охотятся, вместе отдыхают (читай – бухают), вместе ходят по бабам, ходят слухи, одну

– даже на троих на какой-то пьянке поделили.

– Вы извините, что я сразу не объяснил вам про машину, – вздыхает тем временем Геннадий Андреевич, – если честно, не нашел нужных слов. Остановить Антона не получилось, он совершенно слетел с катушек. Я вызвал тогда такси сам, решил, что лучше вас забрать оттуда, а то совершенно непонятно, что сможет вернуть Антона в русло. Его волновали только вы, и он совсем никак не переключался!

– Больно мне надо его волновать, – тихо откликаюсь я, – после всего того, что он устроил – меня волнует только одно, как скоро появятся в газетах его некрологи и какое алиби мне надо иметь на день его убийства.

Черный юмор – наше все. Выручает даже в очень неприятной ситуации. Даже, когда ты внешне спокойна – а все внутренности скручивает от отвращения к той грязи, в которую тебя окунули.

Верецагина волновала я.

Еще два часа назад я бы наверняка ощутила приятное копошение внизу живота от этого откровения. Нет, правда – было бы приятно. Тогда!

Сейчас – почти оскорбительно. Будто помоями облили. Знаю я, что его волновало – я же его *обидела*. Посмела щелкнуть по носу.

Бедный мальчик, он повел себя как мудака, а его не погладили по головке!

Тем более, что правда – как я его волную? Как сучка,

швырнувшая его на колени посреди ресторана с подчиненными? Было бы чем гордиться, ей богу. Мальчик воспылал желанием отомстить и ничем больше. В его вселенной гадости делать может только он. Все прочие должны терпеть и сглатывать.

Сколько его ждет дивных открытий – ох. Так сладко предвкушать!

– Вы так блестяще вышли из ситуации, – с осязательным одобрением замечает Геннадий Андреевич, – это было очень красиво. Хотя с точки зрения стратегии...

Да, это было недальновидно, да, я знаю. С начальством не ссорятся. Но что мне было делать? Вытерпеть? Улыбнуться, будто ничего и не произошло? Может, еще и обслужить всех пятерых идиотов, ввалившихся ко мне?

– Да без разницы, как оно с точки зрения стратегии, – отвечаю я, прикрывая глаза. – Я не рассчитываю оставаться на этой работе дальше. В конце концов, я высококлассный экономист с дипломом управленца. Если Антон Викторович об этом забыл – это не мои проблемы. И как бы он там ни грозился испортить мне репутацию...

– Он вам угрожал? – негромко спрашивает Смальков.

– Угрожал, – я пожимаю плечами, – это не страшно, резюме работает лучше, да и у меня есть связи.

Правда озвучивать, что это за связи и откуда они у меня взялись, я не буду.

– Это ужасно неприятная перспектива для нашей фирмы

– терять настолько ценного сотрудника, – с убедительно искренним сожалением замечает Геннадий Андреевич, – хотя я могу вас понять. Вы полностью имеете право на такую обиду.

Это называется не обида. Это называется – Ярость. С большой буквы. И никак иначе.

Если я останусь в одной фирме с Верещагиным – через три-четыре недели я его просто отравлю. Дихлофосом для тараканов. Напшикаю в кофе. А флакончик запихну куда-нибудь Антону... с тыльной стороны. Или пилку для ногтей в горло затолкаю. На худой конец.

И сушить мне сухари лет на двадцать вперед.

Моя тьма – она ведь никуда не делась, клубится себе вокруг сердца, впивается в него голодными шипами, гудит.

«Щенок должен быть наказан».

О, да, должен!

Что мне было дано? Я поставила ублюдка на колени? Заломала на парковке? Мало! Чертовски мало!

Если бы этот мир работал как надо – этот вечер Антон бы закончил в растяжке на кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.